СИРИНЪ

Сборникъ первый

СПБ.
1913.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Стр.

„Очарованія земли“, тріолеты. VII

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

„Петербургъ“, романъ, гл. I и II. 1

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

„Роза и крестъ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 149

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

„Цѣпь златая“. 241

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЦѢПЬ ЗЛАТАЯ.

Я пользовался слѣдующими сочиненіями: В. Мичульскій, Слѣды народной библіи въ славянской и древне-русской письменности, Одесса, 1893 г., Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, Спб. 1862 г.—„Слово Адама во адѣ къ Лазарю", „Вопросы св. Варѳоломея", А. И. Успенскій, Переводы съ древнихъ иконъ В. П. Гурьянова, М. 1902 г., В. Н. Успенскій, Переводы съ древнихъ иконъ А. М. Постникова, Спб. 1899 г., Т. С. Рождественскій и М. И. Успенскій, Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. т. XXXV, Спб. 1912 г., Псалмы отъ унынія и стихи,—рукописный сборникъ начала XIX вѣка изъ собранія Ивана Александровича Рязановскаго (Кострома), Рукописный сборникъ на пергаминѣ XIV вѣка—„Громовникъ призренскаго протопопа" изъ собранія Михаила Ивановича Терещенко (Кіевъ).

БОЖІЕ СОЛНЦЕ.

— Что слышно о солнцѣ? Вотъ горитъ оно, и грѣетъ, и грѣетъ и сіяетъ, что же, и откуда оно? А какъ нѣтъ его долго, долго не видимъ, мы его ждемъ и грустимъ, а встрѣтимъ— обрадуемся. И откуда свѣтъ такой, и гдѣ тепло, откуда оно грѣетъ, наше свѣтъ-солнце?

— Солнце отъ Бога. Сотворивъ небо и землю, помыслилъ Господь о дѣлахъ своихъ, что сотворитъ. И когда подумалъ, что сотворитъ человѣка и чѣмъ будетъ человѣкъ, какъ оставитъ человѣкъ завѣтъ Божій и не пойдетъ въ судьбахъ Божіихъ, о бѣдѣ и о всемъ горѣ людскомъ подумалъ и о мерзости въ человѣцѣхъ на трудной землѣ, и какъ родится отъ человѣка Сынъ, и какъ для славы и чести погибшаго человѣка распнутъ Его и въ мукахъ приметъ Онъ крестную смерть, и когда о смерти подумалъ, слеза испаде изъ ока. Эту слезу свою и назвалъ Господь солнцемъ. Солнце—Божіе.

АДАМЪ.

Восьмичастнымъ создалъ Богъ человѣка: отъ земли — остовъ, отъ моря—кровь, отъ солнца—красота, отъ облакъ—мысли, отъ вѣтра—дыханіе, отъ камня—милость и твердость, отъ свѣта—кротость, отъ Духа—мудрость.

И когда сотворилъ Богъ человѣка, не было имени ему.

Высота небесная—Отецъ, широта земная—Сынъ, глубина морская—святый Духъ, а созданію Божіему имени нѣтъ.

И призвалъ Господь четырехъ ангеловъ: Михаила, Гавріила, Уріила, Рафаила, и сказалъ Господь ангеламъ:

— Идите и изыщите имя ему.

Михаилъ пошелъ на востокъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Анаѳосъ, и взялъ отъ нея Азъ и принесъ къ Богу.

Гавріилъ пошелъ на западъ и увидѣлъ звѣзду, Дисисъ имя ей, и взялъ отъ нея Добро и принесъ къ Богу.

Уріилъ. пошелъ на полунощіе и увидѣлъ звѣзду, имя ей Аратусъ, и взялъ отъ нея Азъ и принесъ къ Богу.

Рафаилъ пошелъ на полудніе и увидѣлъ звѣзду, имя ей Мебріе, и взялъ отъ нея Мыслете и принесъ къ Богу.

И повелѣлъ Богъ Михаилу произнести слово.

И сказалъ Михаилъ:

— Адамъ.

И бысть Адамъ первый человѣкъ на землѣ.

СТРАСТИ АДАМА, ПЕРВОЗДАННАГО ЧЕЛОВѢКА.

Гремитъ адъ своимъ громомъ, бу́ритъ бурею, — страшны удары, безстрашенъ.

— Моя власть и воля!

Огненныя стрѣлы летятъ отъ его одеждъ. Громокъ, грозенъ, безстрашенъ.

Никто еще живымъ войти не вхитрился, а назадъ ходу нѣтъ,—врата мѣдныя, верея желѣзная, замки каменные, запоры крѣпкіе.

Крутъ и шатокъ мостъ черезъ Юдоль-рѣку, черенъ путь на живой вѣкъ, жаркія молоньи свѣтятъ въ ночи, свѣтятъ смерти: ведетъ она свои полки на приволенъ горекъ пиръ, слышенъ топотъ конскихъ ногъ.

— Моя власть и воля!

Нужда, тѣснота, терпѣніе—преисподній адъ.

И воззвалъ Адамъ, первозданный человѣкъ:

— Сестры и братья мои любовные, пошлемъ вѣсть ко Владыкѣ Христу со слезами на землю, хочетъ ли насъ отъ муки избавить!

Неутѣшны, унылы стоятъ пророки, праотцы, всѣ праведные: кто же можетъ донести вѣсть!

— Други, воспоемъ пѣснями днесь, отложимъ плачъ, — ударилъ Давидъ въ гусли, вложилъ персты свои на живыя

струны,—се заутра отъ насъ пойдетъ Лазарь четверодневный, другъ Христовъ, донесетъ до Христа вѣсть.

И услышалъ Адамъ, первозданный человѣкъ, и началъ биться руками по лицу своему, тяжкимъ ярымъ гласомъ глаголя:

— Повѣдай отъ меня Владыкѣ, свѣтлый другъ Христовъ, Лазарю, вопіетъ къ Тебѣ, Твой первозданный Адамъ. На то ли Ты, Господи, создалъ меня, на короткій вѣкъ на землѣ быть и много лѣтъ въ адѣ мучиться? Того ли ради я землю наполнилъ, о, Владыко! Вотъ внуки Твои возлюбленные во тьмѣ сидятъ, на днѣ ада отъ Сатаны мучимы, и скорбію и тугою сердце тѣшатъ и слезами своими очи и зеницы омываютъ и, памятью терзаемы, унылы суть! Я на землѣ только краткій часъ видѣлъ добро, а въ этой мукѣ много лѣтъ въ обидѣ! Краткій часъ я царь былъ всѣмъ тварямъ, а нынѣ долгіе дни рабъ аду и бѣсомъ полонянникъ. На краткій часъ свѣтъ Твой видѣлъ, а вотъ ужъ солнца Твоего давно не вижу и Твоей вѣтренной бури не слышу. Господи, если я согрѣшилъ, Господи, паче всѣхъ человѣкъ, то по дѣламъ моимъ Ты и воздалъ мнѣ муку сію, не жалуюсь, Господи! Но горько мнѣ, Господи, я по Твоему образу сотворенъ, а дьяволъ унижаетъ меня, по Твоему образу сотвореннаго, мучитъ меня, жестоко понукаетъ мной! Господи, я Твою заповѣдь преступилъ, а вотъ, Господи, первый патріархъ Авраамъ, Твой другъ, Тебѣ ради заклать хотѣлъ онъ сына своего Исаака возлюбленнаго, и Ты сказалъ ему, Господи: „Тобою, Аврааме, благословятся вся колѣна земная!“—въ чемъ же его грѣхъ?— а и онъ здѣсь, въ адѣ мучится и тяжко вздыхаетъ. И Ной праведный, избавленный Тобой, Господи, отъ лютаго потопа, или не избавишь его отъ ада? Когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! А вотъ великій пророкъ Моисей, а онъ, Господи, въ чемъ согрѣшилъ, вѣдь, и онъ здѣсь сидитъ съ нами во тьмѣ адовѣ! А Давидъ, Господи, Ты прославилъ его на землѣ, и далъ ему царствовать надъ многими, и онъ составилъ псалтирь и гусли, въ чемъ же его вина, вѣдь, и онъ здѣсь съ нами, въ адѣ мучится и жалко стонетъ и вздыхаетъ!

Когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! А вотъ великій въ пророкахъ Іоаннъ Предтеча, Креститель Господенъ, рожденный отъ благовѣщенія ангелова, въ пустынѣ воспитавшійся, ядый медъ дивій, и отъ Ирода поруганный, въ чемъ же, Господи, его вина? И также томятся пророки Твои, Илья и Енохъ, угодившіе Тебѣ паче всѣхъ праведниковъ на землѣ! Моего ли грѣха ради не хочешь помиловать насъ или своего часа ждешь, одинъ Ты знаешь,—нетерпѣливы мы. Господи, приди къ намъ и избави отъ лихости, не угаси свѣта! Въ Твою тайну молюсь, Господи. На мнѣ вина, прости меня, прости меня, Господи, прости меня!

АНГЕЛЪ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Кто Тебя не ублажитъ, пресвятая моя Владычица!

Ты заступница и утоленіе всѣмъ оскорбленнымъ, Ты утѣшеніе скорбнымъ, Ты радость скорбящимъ,—захотѣла весь міръ защитить отъ крови или себя утопить въ ней: покинуть и никогда не вернуться въ свой вертоградъ, въ мукѣ мучиться, съ нами—во тьмѣ вѣка сего, съ нами—въ нашемъ лютомъ мірѣ, гдѣ болѣзни, печаль, слезы и воздыханія, клевета, память злая, братоненавидѣніе, съ нами, какъ мы, неутоленно любить и безнадежно, и безнадежно терять.

Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою!

Надъ рукодѣльемъ за искусной работой у окна пречистая Дѣва окаймляла четверосвитный убрусъ, бѣлымъ бисеромъ шила круги, квадраты, птицу-феникса, радугу, змѣя и голубя — знаки вѣчности, міра, воскресенія, милости, мудрости и непорочности, а на углахъ подъ крестомъ ставила по василиску съ головой пѣтушиной и хвостомъ змѣинымъ, милуя Божію тварь, дивовище земное и преисподнее.

Сердцемъ въ божественныхъ судьбахъ, къ тайнамъ міра—умныя очи, неувядаемый цвѣтъ чистоты, пресвятая, пречистая Дѣва, честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая воистинну серафимъ.

Въ тихій часъ въ тихой дѣвичьей горницѣ метнулся огонекъ у лампадки и бѣлый бисеръ заалѣлъ на шелкахъ. Съ шумомъ вихря съ небесныхъ круговъ сталъ въ большомъ углу ангелъ — и были крылья его, какъ двѣ зари полуночныхъ, а ликъ невмѣстимъ человѣку.

И не снеся его вида, пала ницъ на землю Дѣва Марія.

— Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою! — воззвалъ благовѣстникъ.

И подняла пресвятая Дѣва очи къ небу, и облакъ росный сошелъ на лицо ея и окропилъ ее съ головы до ногъ.

— Не бойся, Марія!—приблизился ангелъ, отеръ ее своей алою ризой,—не бойся, Марія, се зачнешь Сына и тѣмъ весь міръ спасется, Ты будешь спасеніе міру, миръ Тебѣ, возлюбленная!—и огонь изшелъ изъ его устъ.

Солнцемъ засіявъ, махнулъ ангелъ десницей — и бысть хлѣбъ превеликій, и, взявъ хлѣбъ, ѣлъ самъ и далъ ей.

И махнулъ ангелъ лѣвой рукой — и бысть великая чаша, полная вина неизреченнаго, и пилъ самъ и ей далъ пить.

И воззрѣвъ, увидѣла непорочная Дѣва — земля благословенная, цѣлъ былъ хлѣбъ и чаша полна вина.

Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою!

АНГЕЛЪ МСТИТЕЛЬ.

Среди поля на Голгофѣ пригвожденъ ко кресту—на крестѣ руки простеръ, окровавилъ персты—на честномъ крестѣ посреди земли висѣлъ Христосъ, совоздвигая четвероконечный сей міръ, божественныхъ рукъ своихъ созданіе, въ высоту, въ широту, въ долготу, въ глубину.

Ангелы сходили и восходили съ небесъ, собирались въ единъ соборъ, силы небесныя кланялись вольнымъ страстямъ Его.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Силы небесныя, всѣ девять чиновъ — ангелы, архангелы, начала, власти, силы, господствія, престолы, херувимы, серафимы отъ неба небесъ—отъ престола славы, лѣствицей сходя и восходя, предстояли Ему. И мертвые, возставъ изъ гробовъ, съ мертвеннаго ложа притекали къ кресту, кланялись спасительнымъ страстямъ Его.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Разбойники Сафетъ и Ѳемехъ, распятые со Христомъ два разбойника, отрѣпетны крестною мукою, погибали въ смертной тяготѣ тупой, погибали ихъ помыслы, отымался издроб-

ленъ повинный умъ, горькая тьма ослѣпляла вещныя, въ боли очадѣлыя, очи, а умныя исходили въ тоскѣ:

— Милостиве Господи, помилуй мя падшаго!

Крестообразно руки простирая къ Сыну, распростершему руки на древѣ крестномъ, ко кресту приникла Владычица наша Богородица: оружіе скорбное пронзило ей сердце — слезнымъ крещеніемъ крещенное, все ея сердце растерзано, и слезы, излившись, престали.

— Царю Небесный, Сыну мой!

Три звѣзды, какъ свѣчи Божія, мерцали изъ тьмы помрачающей отъ Дѣвы-Матери, непостижимо, несвѣдомо родшей невмѣстимаго, міру свѣтъ и спасеніе.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

На востокѣ солнца раскрылись двѣнадцать вратъ небесныхъ и другія двѣнадцать вратъ на западѣ и двѣнадцать вратъ на морѣ и по всѣмъ путямъ отъ нижнихъ и горнихъ обителей собирались въ единъ святой соборъ ко кресту силы небесныя.

И вотъ во мгновеніе два ангела подвели подъ руки старца — былъ онъ ветхъ и великъ Адамъ первозданный, и поставили ангелы Адама передъ лицомъ Господнимъ.

Наклонивъ главу, да преклонятся народы всѣ и облегчится грѣхъ вѣрующихъ, восходящихъ на небеса, висѣлъ Христосъ на крестѣ, напоенный горькою желчью, единый сущъ, безъ конца, безъ начала—сый.

И былъ гласъ со креста:

— Азъ тебѣ ради и чадъ твоихъ съ небесе на землю снидохъ, азъ тебѣ ради и чадъ твоихъ на крестъ взошелъ, повѣшенъ, пригвожденъ ко кресту. Нынѣ разрѣшаю отъ клятвы, прощаю твой грѣхъ.

И вздохнулъ Адамъ:

— Тако изволилъ еси, тако изволилъ еси, Господи Боже мой!

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Ангелы, силы небесныя возрадовались, хваля передъ Адамомъ Христа, кровію искупившаго проклятіе первородное,—миновались темныя ночи, пропали печали!—и восходили на небеса со страхомъ и радостью до неба небесъ къ престолу славы, восхваляли Христа передъ Отцомъ небеснымъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Силы небесныя, всѣ девять чиновъ—серафимы, херувимы, престолы, господствія, силы, власти, начала, архангелы, ангелы восходили къ престолу, восхваляли страсти божественныя.

И одинъ среди ангеловъ во святомъ кругу вятшій паче всѣхъ, прекрасенъ видѣніемъ, стоялъ передъ крестомъ ангелъ, одинъ недвиженъ, одинъ безмолвенъ, смотрѣлъ на Христа.

Какъ! Сынъ Божій, Сынъ возлюбленный, любимый братъ, Христосъ, Царь Небесный, творецъ земли и неба, проданъ за тридцать сребрениковъ, виситъ на крестѣ! И мучится, обагренъ съ ногъ до головы, и нѣтъ ни откуда защиты, покинутъ, нѣтъ никого, неповинный, виситъ на крестѣ!

Не видѣлъ никого, только Христа, только на Христа смотрѣлъ ангелъ, не могъ примириться, и пальцы его были крѣпко съ тоскою сжаты, и дымъ, что синія кольца благовонныхъ кадильницъ, обручая пальцы, вывивались межъ острыхъ суставовъ, и копье блѣднѣло въ рукѣ его на дымящемся древкѣ и бурныя крылья, что молоньи сини, грозно орлйли,—недвиженъ, безмолвенъ, не могъ, не хотѣлъ ангелъ видѣть Христа на крестѣ.

Всѣ силы небесныя, недоумѣнно зря другъ на друга, молили ангела взойти на небо къ престолу славы прославить Сына передъ Отцомъ Небеснымъ.

Безтрепетенъ, безстрастенъ къ мольбѣ, не слушалъ ангелъ, не хотѣлъ ихъ слышать, не хотѣлъ взойти на небеса къ престолу славы—сердце горѣло и единая мысль возгоралась изъ горящаго сердца: одинъ онъ можетъ и готовъ и долженъ стать на защиту—онъ можетъ смирить грады и веси, поля,

холмы и дубравы, онъ весь міръ погубитъ, разоритъ вѣнецъ солнца за крестъ и страсти.

И одинъ недвиженъ, одинъ безмолвенъ, онъ горѣлъ передъ крестомъ во святомъ кругу, грозный мститель, ангелъ верховный, вятшій паче всѣхъ, всѣхъ недруговъ побѣдитель, архистратигъ Михаилъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Бѣлоснѣжной кипящей быстрйной восходили полки ангельскіе, славословя, отъ креста за звѣздный кругъ къ престолу. И былъ тихій перезвонъ въ небесахъ, говоръ и пѣніе столпо́вное небеснаго воинства.

И повелѣлъ Христосъ ангелу взойти на небо, оставить крестъ.

— Исполни законъ!

Но вѣренъ, ангелъ стоялъ передъ крестомъ, не могъ отойти:

— Господи, Ты видишь, не могу стерпѣть распятія Твоего!

И во вторые повелѣлъ Господь ангелу отойти отъ креста.

— Исполни законъ!

И не двинулся ангелъ, прочно, крѣпко, непреклонно, вѣренъ, ангелъ стоялъ передъ крестомъ:

— Господи, какъ я пойду!

И въ третій разъ былъ голосъ съ креста, отклонявшій, повелѣвая ангелу взойти на небо.

— Исполни законъ!

И то̀роки—слухи Духа дрогнули на блѣдномъ челѣ, трепетенъ, ангелъ сдѣлалъ шагъ отъ креста и вдругъ сталъ, обернулся — черные то̀роки вьюнились на его блѣдномъ челѣ, бурныя крылья орлили и очи синѣли, что дебрь: видѣть муку, имѣть власть остановить эту муку и не смѣть!

— Не требуй, Господи, не требуй! Видишь сердце мое горящее, знаешь любовь мою, ей нѣтъ грани, ей нѣтъ запрета, ей нѣтъ закона. И на что мнѣ власть моя, если запрещаешь прекратить муку Твою? Не могу преступить за-

конъ Твой, слово Твое, волю Твою и не могу угасить любви моей!

И пламень любви былъ такъ великъ и скорбь была такъ остра и страда такъ безмѣрна, всѣ мысли, всѣ стези сердца пылали, — ангелъ не могъ покориться, не могъ исполнить царскаго слова, Божіей воли, разжалъ ангелъ пальцы, и тихо пламя вышло изъ его руки.

И было пламя такъ сине, жарко, такъ живо, и огонь плящъ и горючъ—взлысился мракъ, сдвинулись семь поясовъ небесныхъ и пошатнулись земные, съ шумомъ ужасныхъ четверопастныхъ горестныхъ трубъ изъ четырехъ мѣдныхъ вѣтрій пыхнули четыре заглушные вѣтра, возшумѣли съ востока и съ запада, съ юга и съ сѣвера—кто имъ укажетъ путь? куда имъ дѣваться? они не могутъ стать, для нихъ нѣтъ ужъ покоя!—избезумѣлись, вздыбили море, хотя потопить всю нашу землю, заколебали столпы преисподнія.

Но среди грохота, вопля и скрежета еще острѣе врѣзалась скорбь, и гнѣвъ сталъ безысходнѣе—и ангелъ пустилъ копье отъ креста въ тьму земную, гдѣ стоялъ страхъ, клевета и обида, вопіяла утрата и билось безсильно оскорбленное сердце и гнела безполезная жалость и глохла защита.

Зазубривъ тьму, какъ молонья, ударило копье въ храмъ, прорѣзало куполъ, расшибло сѣнь — и на двое сверху и до низу разодралась капетазма церковная, на двѣ части разодралъ ангелъ завѣсу во свидѣтельство сынамъ человѣческимъ за страсти и крестъ—видѣть и разумѣть.

И въ тотъ часъ воззвалъ Христосъ, благословляя Отца, и предалъ духъ единородный Сынъ, великаго свѣта Ангелъ, Слово Божіе, смертью на смерть наступивъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, слава силѣ Твоей, Господи!

АНГЕЛЪ ПОГИБЕЛЬНЫЙ.

По воскресеніи изъ мертвыхъ, отложивъ тѣло плотское, являлся Господь нашъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ.

Апостолы—Петръ, Андрей, Іоаннъ и Варѳоломей—пребывали съ Богородицей, утѣшая ее. И когда были они всѣ вмѣстѣ на горѣ Мавріи, сталъ посреди нихъ Христосъ и сказалъ:

— Вопрошайте меня, да научу васъ. Семь дней пройдетъ и я взыду къ Отцу моему.

И никто не рѣшался спрашивать Христа, и покорно послѣдовали за Нимъ, по божественнымъ стопамъ Его на гору Елеонскую.

Петръ же апостолъ приступилъ въ пути къ Богородицѣ, прося ее, да упроситъ Сына своего, и явитъ Господь вся, иже суть на небесахъ. Но не восхотѣла Богородица испытывать Христа.

И когда взошли они на гору Елеонскую и сидѣли вмѣстѣ со Христомъ, Варѳоломей обратился къ Христу:

— Господи, покажи намъ противника человѣкомъ, да видимъ, кто есть и что дѣло его. Тебя не постыдился, Тебя ко кресту пригвоздилъ!

— О, смѣлое сердце,—сказалъ Господь,—ты не можешь видѣть его!

Варѳоломей же припалъ къ ногамъ Спасителя, упрашивая:

— Свѣтильниче неугасимый, Іисусе Христе, вѣчнаго свѣта

спасеніе, неисповѣдимый, невидимый, въ міръ пришедшій словомъ отчимъ, совершивый дѣло свое — скорбь адамову преложивый въ веселіе и еввину печаль упразднивый рождествомъ своимъ, сподоби исполниться вопрошанію моему!

И сказалъ Господь Варѳоломею:

— Видѣть хочешь противника человѣкомъ—узришь его, но говорю тебѣ, и ты и апостолы и Богородица ницъ падете, аки мертвы.

Слыша слово Господне, всѣ приступили, прося Христа:

— Господи, сдѣлай, да видимъ его!

И вотъ по слову Господню предстали ангелы съ запада, воздвигли землю, какъ свитокъ, и явилась бездна — глубина пропастная.

И запретивъ ангеламъ дольнимъ, повелѣлъ Господь протрубить Михаилу.

И вострубилъ архистратигъ, грозный воевода силъ небесныхъ.

И въ тотъ часъ изведенъ былъ изъ бездны ангелъ погибельный—Сатанаилъ.

Вольный гоголю, старѣйшина небесныхъ силъ, низверженный за разгордѣніе, гдѣ нынѣ твоя воля, твой вѣнецъ власти, престолъ небесный!

Шестьсотъ и шестьдесятъ ангеловъ держали его, вѣстника зла, творящаго мечты, связаннаго огненными веригами, и была высота его въ шестьсотъ локтей, лицо, какъ молонья, власы остры, какъ стрѣлы, вѣжды дивія вепря, око правое—звѣзда утренняя, око лѣвое—львово, и уста, какъ пропасть глубокая, и персты, какъ серпъ, и крылья—пурпуръ горящій, и ризы червлены, и на лицѣ его пишетъ вражья печать и погибельная.

— Азъ есмъ Господь Богъ!—воззвалъ Сатана.

И былъ велій трусъ, земля затряслась.

И въ ужасѣ поверглись апостолы на землю.

Богу нашему слава вовѣки!

АНГЕЛЪ-СТРАЖЪ МУКИ.

Нечислены муки, скорбь нескончаема.

Тамъ течетъ рѣка огня негасимаго, тамъ кипитъ смола кипучая, тамъ некротокъ червь неусыпающій, тамъ стоятъ бездонны кладези, тамъ тьма кромѣшная, непросвѣтимая и гроза негрѣема и скрежетъ зубомъ, тамъ великъ страхъ, непрестанныя слезы, несказаемый трепетъ, неизглаголанны бѣды, неумолчно стенаніе, плачъ неутѣшимъ, тамъ вѣтеръ не взвѣетъ—крѣпко затворены вѣтры.

— Лучше бы было, да не родиться въ міръ человѣку!—воскликнула пресвятая Богородица.

Взметнулись ангелы, отъ четырехъ вѣтровъ четыреста ангеловъ, бѣлымъ свѣтомъ бѣлыхъ крыльевъ покрыли ямы глубокія, бездонныя окница, рвы терновые, смолу кипящую, поле мертвенное, изнесли пресвятую Богородицу изъ полымя на дорогу въ градъ преисподній.

Тихо, горько шла Богородица въ градѣ подземномъ по каменнымъ улицамъ отъ разлучниковъ, отъ ихъ горькаго мучительства, отъ горечи непоправимаго, отъ пламенныхъ жалящихъ змѣй.

Небо мѣдное безъ облакъ безросное плотной тяжелой корой выгибалось надъ городомъ.

— Куда хочешь, благодатная?—спросилъ пресвятую Богородицу Михаилъ, грозный воевода, архистратигъ силъ небесныхъ.

Ничего не сказала Богородица, не обернулась къ грозному водителю, тихо, горько шла Богородица, по каменнымъ улицамъ адова города: черныя стѣны простирались до самыхъ небесъ и башенъ было такъ много, какъ въ небѣ частыхъ звѣздъ.

И стала Пресвятая у великаго темничнаго зданія.

— Радуйся, благодатная! — встрѣтили стражи пресвятую Богородицу у великаго темничнаго зданія, и стояли поникшіе, и были лица ихъ видѣніемъ мрачныя, до мрака измученныя; и бѣлы, какъ волны, ихъ бѣлыя крылья грустно опущены.

— Кто вы, несчастные?—спросила пресвятая Богородица.

— Мы стражи мукъ человѣческихъ, стережемъ мучительства грѣшниковъ, — сказалъ одинъ изъ ангеловъ, припавъ къ ногамъ Богородицы, — Мать Пресвятая, призри на насъ! Какъ стали мы у очага мучительства, свѣтъ покинулъ насъ и померкло въ очахъ. День и ночь безмѣнно видимъ лишь горе человѣческое. И когда кажется намъ, приходитъ минута, приходитъ и на грѣшниковъ отдыхъ и мы подымаемъ глаза, нѣтъ, не покой, это безсилье отчаянія, это мертвая боль, и снова вопль, и снова крикъ, еще рѣзче, еще безнадежнѣе, и проклятія,—и всѣ проклятія падаютъ на насъ. Видимъ все, чувствуемъ, помочь хотимъ и не можемъ, помоги намъ, пресвятая Богородица! Мука свидѣтелей горше муки наказанныхъ. Помоги намъ!

— Возстань и бодрствуй!—грозно сказалъ Михаилъ, грозный архангелъ поникшему ангелу,—или не знаешь, каждому дано дѣло по силѣ его, и вамъ, какъ крѣпкимъ изъ силъ, дано дѣло тягчайшее. И горе тому, кто не изнесетъ дѣла своего до конца.

И воскликнула пресвятая Богородица:

— Лучше бы было, да и міру въ вѣкахъ не стоять! — и пошла Пресвятая прочь отъ великаго адова зданія, отъ ангеловъ мрачныхъ, отъ стражи мучительства.

Вся въ слезахъ, закрываясь ладонями, шла Богородица по каменнымъ улицамъ, шла къ заставѣ преисподняго города за заставу, гдѣ бушуетъ буря, зла печаль, велій плачъ, гдѣ

бѣлѣетъ нашъ родимый снѣгъ, а и капельки воды нѣтъ охладить усталыя запекшіяся уста, за заставу шла Богородица къ геенѣ огненной, гдѣ полміра мучатся грѣшниковъ.

Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ!

СТРАННИКЪ ПРИХОЖІЙ.

Бурнымъ духомъ въ вышнее небо съ тихой сладимой рѣки взлетѣла душа къ престолу Господню.

— Господи Боже, благослови меня, Царь милосердный, въ тѣло облечься!—взмолилась душа къ Спасителю Господу Богу.

Горѣлъ семигранный вѣнецъ на престолѣ и расцвѣтала звѣздами Гора-цвѣтъ.

Благословилъ Богъ душу, поставилъ на путь, благословилъ Богъ душу на землю вернуться, благословилъ Богъ душу на землѣ человѣкомъ въ человѣкахъ родиться.

Бурнымъ духомъ съ превышнихъ высотъ стремилась душа по небесному кругу.

Замирало въ радости сердце—тамъ Божьи органы играли на сердцѣ: скоро встрѣтитъ она, кого полюбила однажды, любила и горько разсталась, какъ ей будетъ легко и нетрудно на трудной милой землѣ! Полныя радости очи свѣтились, свѣтили небѣльмными взорами путь по небесному кругу.

И растворилась въ пути по небесному кругу, по безбрежнымъ дорогамъ книга живая — судъ Господень, судьба ея жизни — судина: дни за днями, какъ цѣпи, протянулись отъ колыбели до могилы.

Какимъ холодомъ, жутью, жесткимъ словомъ, обидой сда-

вило ей сердце: сколько дней беззащитныхъ, дней безпокровныхъ, сколько тревогъ и бѣды и пропастей, ожиданій тревожныхъ, тщетной надежды, безвиннаго терпѣнья, непоправимой горькой потери, а сколько разъ въ своихъ дняхъ постылыхъ уйдетъ она отъ воротъ со слезами, будетъ звать—не отвѣтятъ, просить—не помогутъ.

— Гдѣ рай твой прекрасный, пресвѣтлый день! Гдѣ же твой ангелъ, спутникъ благой?—какъ звѣздочки въ ночи, то загораясь, то тая, сходились, горкуя, во святой кругъ бѣлыя птицы—Господни послы.

— Гдѣ же мой ангелъ! Или на небѣ и на землѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни души и никто не услышитъ и никому нѣтъ дѣла, что такъ жалко кончаю безполезные дни!—и запечатались страдно, зноемъ опаленныя, холодомъ омерзлыя уста.

— Гдѣ рай твой прекрасный, пресвѣтлый день! Гдѣ же твой ангелъ, спутникъ благой? — какъ звѣздочки въ ночи, то загораясь, то тая, вьются, горкуя, во святомъ кругу бѣлыя птицы, крыло-въ-крыло вьются.

Бурнымъ духомъ летѣла душа отъ судебъ-страны пророчныхъ трубъ на пречистое снѣгово-бѣлое знамя къ Матери Божьей, къ Царицѣ силы небесной.

Премудрыя дѣвы радостно встрѣтили душу, кротко стояли онѣ со свѣчами вкругъ Царицы силы небесной.

— Мати печальная, пресвятая Богородица, сердце во мнѣ унываетъ, не хочу я на землю! — наплаканны очи смотрѣли на родимую Матерь, слезно, скорбно, сердечно просили родимую Матерь.

— Странникъ прихожій, не плачь!—духомъ святымъ уряжая, взяла Богородица свѣчку, вложила свѣчку въ сердце—въ сердце кручинной души, — терпи, скорби съ любовью, милый мой странникъ!

И загорѣлась въ сердцѣ жаркая свѣчка.

Премудрыя дѣвы стояли со свѣчами, „Христосъ воскресъ!“ запѣли, съ крестомъ поклонились.

Бурнымъ духомъ летѣла душа съ превышнихъ высотъ черезъ святые небесные круги, черезъ бѣлыя зори, черезъ Втай-рѣку—заповѣдное отъ всего темнаго міра, съ небеснаго царствія по Божьей стезѣ въ темный міръ на землицу сырую.

Жаркая свѣчка жарко теплилась въ сердцѣ.

— Странникъ прихожій, странникъ милый, братъ мой несчастный, сестра моя горькая, будемъ жить полюбовно, согласно въ этомъ несвѣдомомъ мірѣ на родимой сырой землѣ!

ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ.

Прекрасная пустыня, любимая моя мати, пришли тебя зажигать, со мной разлучаютъ.

Я скажу тебѣ тайно, какъ люблю тебя, твою густыню, твои очи—твои очи, что озера, тамъ отъ берега до берега зеленая волна волнѝтся, и тихи и тайны, что частыня.

А зато полюбилъ тебя и матерью назвалъ, что нашелъ въ твоей дубравѣ защиту и милость и правду.

Безмолвная и непразднословна, смиренномудренная, терпѣлива!

Теперь ты огню предаешься, и я тобою покинутъ, ты горишь,—въ которую страну посылаешь?—прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Я бѣжалъ отъ суетнаго міра, отъ вражды, отъ непокоя, въ тебя водворился, въ тебѣ нашелъ правду и милость и защиту.

Тихость твоя безмолвная, палаты твои лѣсовольные, спасеніе мое, мудрость и благодать!

Теперь ты огню предаешься, и я уйти отъ тебя долженъ, ты горишь — въ которую страну посылаешь? и гдѣ, на какомъ мѣстѣ мнѣ быть?—прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Прости меня, прощаюсь съ тобой, благослови меня одному свой вѣкъ свѣковать! Не пойду я искать острововъ непроходимыхъ, ни безлюднаго, безмолвнаго мѣста, ни земляную

пещеру, благослови меня, мать пустыня, въ міръ вернуться, въ міръ—въ суету мірскую.

Я взвихрю себѣ стрѣлами волосы, покрою плечи алымъ, какъ твои зори, алымъ платкомъ, я пойду по большой дорогѣ, я выйду на площадь, буду о тебѣ разсказывать, о твоей правдѣ и милости и защитѣ.

Будутъ надо мной смѣяться, будутъ бить меня больно, промолчу, поклонюсь на побои, все перенесу, все претерплю ради правды твоей, прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Въ мірѣ есть много несчастныхъ, оскорбленныхъ, неутѣшныхъ, несчастныхъ, горекъ сей міръ, горюча тоска, если утѣшу, твоимъ свѣтомъ утѣшу, свѣтъ во мнѣ — свѣтъ отъ тебя.

И когда послѣ страдныхъ дней, странныхъ подъ милый осенній дождикъ упаду подъ заборомъ, ты придешь, ты меня примешь на свои руки, ты меня не покинешь!—и очи твои будутъ близко и я уйду за тобой съ легкимъ сердцемъ, всѣмъ сердцемъ желая, въ жизнь вѣковую, прекрасная пустыня, любимая моя мати.